08 2008

Интеллигенция и критика

Artemy Magun

Уничтожающая критика в адрес интеллигенции (за беспочвенность, классовый эгоизм, идеализм, вялость) – это любимый спорт самой интеллигенции, с самого момента ее возникновения. Есть нечто в позиции интеллигента, что заставляет его быть недовольным своим положением, гонит его «в народ», в общественную деятельность (один вариант) или в практичность и опрощение «реальной жизни» (второй). Более основательно, можно сказать, что интеллигенция есть вообще противоречивый класс. Внутренняя противоположность ее позиции заключается в том, что имея наилучший доступ к целостному охвату действительности (наука), а также имея досуг для воображения и продумывания будущих возможностей (искусство), для «экспериментов в бытии» (Ницше), она при этом не имеет политической власти, ни в целом (в качестве солидарного слоя), ни по отдельности – примеры интеллигентов, приходящих к власти, редки и скорее характерны для кризисных,

разрушительных или революционных этапов развития общества. Более того, примыкая по функции и образу жизни к господствующему классу общества (в новое время – буржуазии) и в целом выражая его идеологию, интеллигенция не смыкается с ним, а наоборот, зачастую представляет внутри него «пятую колонну» других классов (аристократии и пролетариата). Все без исключения революции Нового времени возглавлялись интеллигенцией, массы интеллигентов и физически, и идеологически участвовали в них – и в основном страдали от них после победы, потому что выяснялось, что старому господствующему классу они были ближе, чем новому, а универсальная утопия уничтожения классов, распространения образа бытия интеллигенции на все общество, не смогла осуществиться.

В общем виде, глубинное противоречие интеллигенции можно свести к противоречию между теорией и практикой. Познание действительности требует определенного дистанцирования от нее, которое достигается путем остановки и искусственной пассивности. Адорно и Хоркхаймер писали, в похожем контексте, об Одиссее, который потребовал привязать себя к мачте, чтобы получить возможность слушать музыку сирен, внимать голосу мира. Поэтому, когда типичный интеллигент не готов радикально разрушить систему, которую он критикует, он не только

защищает свой классовый интерес (ведь тогда непонятно, зачем он вообще критикует «крышующий» его гегемонный класс и встает на позиции слабых и униженных), но и выражает принципиальную скованность, загипнотизированность объектом своего изучения.

Отсюда само понятие критики, как оно было развито у Канта, и потом перешло к Гегелю (в форме понятия Aufhebung, снятия-преодоления) и Марксу. Оно как раз и выражает это противоречие. Критика в философском смысле - это попытка отрицать свой предмет, и в то же время подчеркнуть его неуничтожимость. Для Канта, критиковавшего научный разум и просвещенческий рационализм, критика означала компромисс: наука имеет право на существование, пока не посягает на права этики действия, свободы; монарх имеет право приказывать, пока не нарушает право на публичное несогласие, и т.д. Для Гегеля, критиковавшего и просвещенческий разум, и индивидуалистический морализм Канта, критика означала гегемонию (это понятие Грамши - сугубо гегельянское). Пройденные, неадекватные этапы человеческого духа (собственность, договор, рабство, семья) имеют право на существование, но в рамках доминирующей формы конституционного государства. А вот Маркс, который постоянно апеллирует к категории критики, ставит этот термин в

подзаголовок своих важнейших работ, переворачивает гегелевский подход: да, история не может уничтожить свои прошлые формы -- и они мертвым грузом, как призраки и вампиры, нависают над настоящим. Но у каждого из этих авторов, критика – это и отрицание неистребимого, и неистребимость, навязчивость отрицаемого. Хотя Маркс, в отличие от обычного интеллигента и критика, обостряет это противоречие, призывает к революционной и разрушительной «критике земли», тем не менее нельзя сказать, что он решает эту проблему двойственности критики раз и навсегда. И в трудах самого Маркса, и тем более в марксизме, существует напряжение между собственно критическим анализом политэкономии, вскрытием ее несводимых антиномий, утопическим воображением, с одной стороны, и систематизацией политэкономии в «историческом материализме», который, в качестве позитивного «эмпирического» учения, страдает объективизмом и рабской зависимостью от статуса кво (отсюда конформизм 2 интернационала и технократизм сталинизма), с другой. Когда Маркс и Энгельс прозорливо критикуют «идеологов» (то есть, интеллигентов) за то, что они – «отъявленные консерваторы», то надо видеть здесь и самокритику – сама операция познания, а тем более социальная функция познания (Энгельс например, был фабрикантом и помогал Марксу

деньгами во время его работы над «Капиталом»), нуждается в некоторой задержке.

Как выразить это противоречие? Может ли интеллигенция полностью преодолеть свой ложный универсализм и конформизм и встать на позиции, скажем, революционной партии? Но она тогда потеряет государственное или корпоративное финансирование, а с ним и необходимый для систематической мысли досуг... Единственный шанс для теоретического обобщения она получит в тюрьме (имеется в виду западная тюрьма) – не случайно, что для Грамши, в его Тюремных тетрадях, именно позиция интеллигенции стала одной из центральных тем.

Представляется, что интеллигенция, как и пролетариат, является точкой разлома социальной действительности. Она воплощает в себе противоречие между солидарностью и разделением труда, интеграцией и эксплуатацией, демократией и управлением, характерное для современного общества. Интеллигенция является самым свободомыслящим и даже, наверное, самым демократичным, по своим ценностям, слоем общества, но с другой стороны, именно она занимает ведущие (но не главные) позиции в наиболее авторитарных зонах современного общества – образование и экспертное управление. Интеллигенция вырабатывает

тотальное, целостное видение общества, она воображает его перспективу, но с другой стороны само ее бытие как самовоспроизводящегося слоя воплощает разделение интеллектуального и материального труда, при котором большая часть общества лишена досуга и балансирующего либерального воспитания, нужных для интеллектуальных занятий.

В этом смысле необходима критика интеллигенции за ее либеральный нарциссизм, за воображение общества по своему образу и подобию. Но не менее необходима критика «неинтеллигентного» мира, мира «нужды и рассудка» (Гегель) в котором узкоэгоистические цели деятельности заслоняют от человека целое, и он становится подвержен порабощающей жвачке культуриндустрии или мифам фашистского толка. Критика господства должна сопровождаться критикой рабства! Марксизм, как школа высшей критики, показывает, что критика не может быть зафиксирована в качестве учения, метода или системы. Настоящий критик постоянно критикует сам себя и влипает то в позицию вульгарного материалиста (plumpes Denken), то в позицию идеалистического оптимиста, то в позицию академического «мэтра», стоящего над схваткой. Критика – это не фиксированная позиция, а рваный ритм колебаний между сохранением и уничтожением, зона перманентного кризиса.

Нужно уметь балансировать в этом кризисе, чтобы не сойти с ума, но нужно в то же время использовать его, чтобы подталкивать общество к революционному самопреобразованию.

В обществе есть уже все условия к тому, чтобы «интеллигентами» стали все, и тем самым исчезло само это разделение. Но пока эта утопия реализуется с точностью до наоборот, и сама интеллигенция превращается в «работников интеллектуального труда», уязвимых для мифологии и политтехнологии. Сегодня интеллигент, особенно в России, должен отбросить позу непризнанной элиты и осознать – со всеми присущими ему колебаниями и метаниями - свою принадлежность к лагерю угнетенных.